

руками. — Мать заставила показать ей письма Парвиза к тебе. Она заявила в кино, ну, когда ты была с ним одна. Должно быть, догадалась, что ты что-то задумала, потому что, когда мы вернулись домой, она вынудила меня показать ей письма. Клянусь, у меня не было выхода...

Она казалась такой несчастной: глаза опухли от слез, щеки покраснелись. Я сразу представила, как мать выследила ее; тем больнее было видеть синяк, со вчерашнего вечера расплывавшийся под ее левым глазом. Я не винила ее за то, что она показала матери письма Парвиза, вовсе нет, однако тогда в лечебнице я не нашла что ответить на мольбу сестры о прощении. И уж точно я не могла признаться ей, что, когда я после осмотра встала со стола и принялась одеваться, ноги у меня подкосились, голова закружилась, я едва не упала и в этот миг заметила корзину в углу. От того, что я там увидела, у меня екнуло сердце. Красная полоса на белой ткани. Кровь моей невинности.

Долгое время я боялась кому-нибудь рассказать о том, что со мной случилось, и даже подумать об этом, но теперь я могу вам сказать: в тот день кончилось мое детство и началась настоящая жизнь. И этого не отменить.

2

Меня зовут Форуг, по-персидски это значит «негасимый свет».

Я родилась в Иране, стране, что раскинулась на пять тысяч километров на каменистом плато в кольце высоких гор. На севере, вдоль Каспия, — сосновые, березовые, осиновые леса; на юге — бирюзовые купола мечетей, деревни, высеченные из медовоцветного камня, разоренные

сады и разрушенные дворцы Пасаргадов^{*}, Суз^{**}, Персеполиса^{***}. С востока до запада — бескрайние пустыни соли и песка. В границах Ирана каждый день можно найти все четыре времени года. Здесь, под непрестанно перемещающейся поверхностью полевых цветов, камней, песка, снега, тянутся к сердцу земли черные жилы нефти.

К 1935-му, году моего рождения^{****}, Тегеран давно избавился от глинобитных стен и неглубокого крепостного рва, некогда окружавшего город, однако все еще выглядел отсталым: грязные дороги, узкие переулки, плоские крыши. Ни намек на великолепие Исфахана или Шираз с их блистающими мечетями и роскошными дворцами. Зато Тегеран окружали высокие горы, и даже летом, казалось, в городе пахло снегом.

Невозможно поверить, что моего старого квартала с его домишками, улочками и переулками больше нет, и я знаю, что даже если бы вернулась туда сейчас, много лет спустя, после войны и революции, то не сумела бы его отыскать. Но стоит мне закрыть глаза, и я снова в доме моего отца в Амирие. Долгие годы этот дом был для меня целым миром, и я не знала иного неба, кроме квадрата лазури над материнским садом.

Внутри дом по традиции делился на *андарун*, то есть женскую половину, и *бируни* — половину мужчин. Обе части дома соединял длинный узкий коридор; двор был

---

^{*} Пасаргады — древний персидский город, первая столица империи Ахеменидов.

^{**} Сузы — один из древнейших городов мира, в III–I вв. до н. э. столица Элама.

^{***} Персеполис — древний персидский город на юго-западе Ирана, возник в VI–V вв. до н. э.

^{****} Автор считает годом рождения Форуз 1935-й, но точная дата ее рождения — 8 дея 1313 года солнечной хиджры, то есть 29 декабря 1934 года. В ее свидетельстве о рождении записана дата 15 дея, однако сестра Форуз при жизни просила исследователей творчества Фаррохзад указывать верную дату.

обнесен высокой кирпичной стеной. Такие дома отворачиваются от мира, обращают взгляд внутрь; их обитательницы верят, что здесь даже стены чутки ко греху, поэтому правду мы говорили шепотом — или молчали вовсе.

Мой отец. В детстве я не осмеливалась назвать его отцом: он запрещал. Мы, дети, и наша мать звали его Полковник или *корбан* — «тот, ради кого я жертвую собой»; для всего остального света он был «полковник Фаррохзад». По-моему, лишь много лет спустя я узнала его имя. Спросить я не отваживалась и, даже после того как сбежала из его дома, продолжала называть его не иначе как Полковник.

Он был плечистый, с тяжелым подбородком и пронзительными черными глазами. В любой день и по любому случаю носил военную форму: китель с латунными пуговицами и рядами блестящих медалей, тяжелые черные сапоги и высокую папаху шахской армии. Он неделями пропадал в служебных командировках, оставляя нас на попечении матери, однако дом в Амирие был главным его гарнизоном, мы же, семеро детей, — рядовыми.

От звука его голоса в переулке или стука его черных сапог по плитам прихожей мы бросались врассыпную. Страх перед ним долгие годы отягощал наш сон. Мы никогда не знали наверняка, придет ли отец сегодня домой, но всегда ложились спать одетыми, аккуратно поставив обувь возле тюфяков, и лежали в напряженном ожидании. Если он ночевал в Амирие, то рано поутру будил нас, сыновей и дочерей, старших и младших, крепким пинком по ребрам. Мы вскакивали, наскоро причесывались и обувались. Пошатываясь, спотыкаясь и потирая заspanные глаза, проходили по коридору и спускались по изогнутой лестнице. Слуги еще спали в людской, мать творила утренние молитвы, и дом в этот час наполнился тишиной и покоем.

Полковник дожидался нас в прихожей. Он, как всегда, был в полной военной форме, умощенные маслом волосы расчесаны на прямой пробор, кончики навощенных усов смотрят вверх. Рядом стоял его драгоценный граммофон, медный ратруб поблескивал в полумраке. Одной рукой Полковник поднимал иглу, в другую брал трость с серебристым концом.

Мы выстраивались перед ним, и он по очереди нас осматривал.

— Вытянись! — командовал он. — Спину прямо! Голову выше!

Если мы зевали, забывали причесаться или заправить рубашку, выкручивал нам уши — а то и придумывал что похуже.

— Начали! — выкрикивал он и трижды бил тростью в пол.

Опускал иглу, и граммофон рявкал военным маршем. Начиналась утренняя строевая подготовка. Мы сгибали и выпрямляли колени, поднимали и сгибали руки, шагали на месте. Смотреть полагалось в воображаемую точку над головой Полковника: посмотришь прямо в глаза — тут же получишь тростью по ногам или мягкому месту. А если заплачешь, будет хлестать, пока не замолкнешь. Поэтому мы не плакали.

В общем, жизнь в доме Полковника строилась по законам нашего шаха: бей первым, не проявляй милосердия и не верь никому.

Стремлением самостоятельно распоряжаться собственной судьбой Полковник напоминал шаха. В один прекрасный день 1925 года, за девять лет до моего рождения, бывший неграмотный крестьянин и солдат по имени Реза-хан^{*}

---

^{*} Реза-шах Пехлеви (1878–1944) — шах Ирана с 1925 по 1941 год.

накинул расшитый жемчугом голубой плащ на военный мундир, вошел в просторный зеркальный зал дворца Голестан и объявил себя шахом Ирана. Коронации предшествовала цепь удивительных событий. Реза-хан, простолюдин из беднейшего и глухого уголка Персии, десятилетиями наблюдал, как монархи из династии Каджаров^{*} купаются в восточной роскоши, помноженной на европейский шик. Он наблюдал, как они отдают англичанам, французам и другим европейцам иранские земли, полезные ископаемые, предметы искусства, но самое страшное — источник благополучия нации: ее нефть. Он наблюдал все это и кипел от гнева. Неотесанный, необразованный, он остро сознавал бывшее величие государства и свой удел. Он пошел в солдаты, дослужился до полковника, премьер-министра и, наконец, силой собственной недюжинной воли стал шахом Ирана.

Гости на коронации, привыкшие к утонченности шахов и принцев Каджаров, втихомолку посмеивались над провинциальными замашками и грубыми манерами нового монарха. Поговаривали, будто бы Реза-хан, присвоивший самые роскошные дворцы и плодородные земли, по-прежнему каждый вечер расстилает на полу тюфяк и спит как крестьянин. Однако в лицо ему об этом сказать не отваживались, поскольку, если манеры нового шаха и вызывали сомнение, в его бешеном нраве и жестокости не сомневался уже никто.

Отец мой, Полковник, двух с лишним метров роста, был одним из немногих в Иране, кто мог смотреть шаху в глаза. Родом он был тоже из глухой деревушки Тафреш, в ста пятидесяти километрах к юго-западу от Тегерана. Род его славился учеными, но отец не пошел проторенной дорогой предков. В ранней юности он покинул родительский дом

---

^{*} Каджары — иранская династия, правившая с 1795 по 1925 год.

и поступил на службу в казачью бригаду^{*}. К этому времени Реза-шах собрал многочисленное войско и не менее многочисленный чиновничий аппарат, снес заброшенные и разрушенные дома, проложил широкие бульвары там, где прежде были грязные улочки, и, задавшись целью стереть все следы восточной отсталости, принялся избавлять Иран от верблюдов, ослов, дервишей и нищих. И все это время Полковник был правой рукой шаха, поклявшись верно служить ему до самой смерти.

* * *

Моя мать, Туран, была первой его женой. Тоненькая, черноволосая, с пухлыми губами. В прежние годы худобу рассматривали скорее как недостаток, но в 1920-е, когда моя мать была на выданье, в определенных кругах стали считать достоинством. По крайней мере, у матери вышло именно так. На снимке, сделанном во дворе родительского дома, в толпе дородных сестриц с косичками, в одинаковых хлопковых платьях с заниженной талией, она одна выглядела современно и, судя по улыбке, осознавала свое преимущество.

Однако было еще неизвестно, перевесит ли это ее достоинство такой недостаток, как смуглота. Ведь в моду вошла не только тонкая талия, но и белая кожа. Туран уже минуло четырнадцать, но у нее не было ни одного подходящего ухажера. Мать ее с удвоенной силой принялась осветлять цвет дочериного лица, перепробовала все что можно: тоники, лосьоны, масла, тинктуры — но кожа дочери, казалось, становилась смуглее день ото дня.

---

^{*} Персидская казачья бригада (с 1916 года — дивизия) — кавалерийское соединение, созданное в Персии по образцу Терского казачьего войска. Существовала с 1879 по 1920 год.

К облегчению родителей, в конце концов Туран започинала не просто завидного жениха, а такого, который быстро продвигался по службе в армии шаха. Дело было так: после многолетнего отсутствия Полковник (ему уже минуло тридцать) вернулся в родительский дом в Тафреше, объявил матери, что намерен жениться, и дал ей скупой, однако предельно точный наказ. «Девушка должна быть стройной», — сказал он. С этим его мать отправилась в деревенский хаммам, чтобы обозреть девиц на выданье, и в конце концов выбрала Туран из стайки других, которые лично ей казались намного краше, но которых ее сын наверняка отверг бы.

Моя мать вышла замуж в пятнадцать лет.

— Ты покинешь этот дом в белом, — накануне свадьбы прошептала ей на ухо ее мать. Это значило, что отныне она принадлежит мужу и вернется в дом родителей лишь в белых погребальных пеленах. До свадьбы она видела жениха всего дважды, и оба раза ее сопровождала компаньонка, но и этого тогда было достаточно, чтобы брак считался «заключенным по любви». На счастливое замужество моя мать едва ли рассчитывала (воспитание вынуждало ее отказаться от подобной надежды — не говоря уже о расчете), однако ни сомнения, ни страх, если таковые и были, не помешали ей обратить лицо к будущему, то есть к мужу.

Первое испытание выпало ей вскоре после свадьбы, когда отца послали в предгорья Эльбурса охранять шаха и его семью во время летнего отдыха. Однажды мне на глаза попала ее фотография тех лет, с фестончатыми краями и печатью фотографа шаха. На ней мои родители стоят рядом; солнце за их спиной рябит кроны буков и склоны гор. Полковник в форме казачьей бригады: белом кителе, черных брюках и высоких кожаных сапогах. Он был удивительно хорош собой, но я не отрываясь смотрела на мать. На ней были бриджи, белая блузка

на пуговицах, горло кокетливо повязано шелковым шарфом. Очевидно, мама каталась верхом в горах. Ветер треплет ее локоны, и она одной рукой убирает за ухо прядь волос. Улыбаются не только губы, но и глаза. Меня заворожило, что она, оказывается, была отважной и не чуралась удовольствий.

Когда Реза-шах законом запретил носить чадру, высшие военные чины, министры и соратники, входившие в его ближний круг, собрали своих жен и велели им явиться непокрытыми перед шахом. За этим последовали пересмотры гардеробов. Ни один аксессуар не показывал так ярко отношение к новому указу шаха, как дамская шляпка. Набожные жены надвигали на глаза широкополые шляпы с плюмажем — ближайшее подобие чадры, которое они могли себе позволить, не вызвав шахского гнева; менее скромные носили шляпки поменьше, заломив их набекрень, и совсем уж бесстыжие ходили вовсе без шляп.

Под рев гудков флотилия автомобилей с женщинами без паранджи проплыла по улице Пехлеви — нарочито медленно, дабы жители Тегерана прониклись зрелищем того, что ждет их жен. Вскоре женщин, не носивших чадру, будут забрасывать оскорблениями, а в некоторых кварталах и камнями. Против нового закона восстанут не только мุลлы: тысячи женщин после запрета чадры откажутся выходить за порог дома. Но в тот день горожане еще не опомнились от потрясения, а потому и не бранили шаха, не швыряли камни в женщин, не запирались в домах и не взывали к Аллаху.

У меня нет фотографий матери в тот день, но я представляю, как они с Полковником медленно катят в черном «мерседесе» по улице Пехлеви. На маме костюм с юбкой и шляпка-колокол с перышком, ноги скрещены, руки сложены на коленях. Через несколько лет запрет отменили,

но мать все равно никогда уже не надевала чадру — разве что во время молитвы, когда собиралась на похороны или в паломничество к гробнице имама Резы в Мешхеде^{*}. Свои черные волосы мама красила в рыжевато-каштановый, носила корсеты и чулки со стрелками, подчеркивала платьями тонкую талию и никогда не выходила из дома, не тронув губы алой помадой.

Но все это было еще до меня, до того как она стала матерью, а я — дочерью, которая покрыла ее позором.

В первых моих настоящих воспоминаниях мама стоит в обнесенном стенами саду в Амирие, одной рукой прикрывает глаза от солнца, в другой держит лейку. Август, буйно цветут розы, настурции, зеленеет жимолость. Над клумбами гудят пчелы, в кронах сосен и кипарисов снуют малиновки и воробьи. Вдоль всего двора тянется вымощенный темно-синей плиткой прямоугольный бассейн — *хоз*, и послеполуденное солнце рассыпает бриллианты по водной глади.

Сад был маминой отрадой. Здесь лицо ее смягчалось, взгляд прояснялся. Она расставила по внутреннему двору огромные глиняные горшки с цветами — для украшения дома — и горшочки поменьше с мятой, петрушкой и базиликом, с которыми готовила рагу. По утрам мама накачивала воду из цистерны и одно за другим поливала из жестяной леечки растения. Долгие годы воду в наш дом доставлял водонос, жилистый старик, который, взвалив гигантские глиняные кувшины на телегу, запряженную лошадьми, ездил по улицам Тегерана, продавал свежую воду из горного ручья. Содержимое кувшинов хранили в подземной цистерне и расходовали умеренно, чтобы хватило на всю неделю.

---

^{*} Мазар имама Резы — архитектурный комплекс в Мешхеде, центр туризма и паломничества в Иране.

Весной, с наступлением тепла, слуги расстилали ковры на террасе. Здесь, под увитым пышными, бархатистыми розами навесом, мать чаевничала с подругами. Долгими летними днями в сгущающихся сумерках они грызли печенье, лущили арбузные семечки, сплетничали, пререкались и поверяли друг другу тайны. За разговорами понемногу темнело, и тогда они отряхивали юбки, чмокали друг друга в щеки и расходились, пообещав назавтра встретиться снова.

Мы с Пуран, моей старшей сестрой, играли в глубине сада: у нас были свои истории и игры, хотя порой мы и подсматривали за матерью с подругами. Сад мы обожали — впрочем, как все дети. Мы с братьями и сестрами любили плескаться в выложенном синей плиткой *хозе*. С Пуран мы часто озорничали, но нипочем не осмелились бы сорвать ни одну из маминых роз, хотя жимолость и жасмин, пышные кусты которых росли вдоль стен сада, обрывали бестрепетно. Мы вешали на уши вишенки, как сережки, и лепили на ногти длинные розовые лепестки георгинов, подражая маникюру взрослых женщин. Мы плели друг другу венки из гроздьев белой акации и ходили в этих медвяных коронах. Усевшись под одним из фруктовых деревьев — гранатом ли, грушей, айвой, — мы с сестрой рассказывали друг другу секреты.

Вечерами сад переходил в распоряжение отца и его товарищей-военных. Слуги расстилали на террасе шелковые ковры, раскладывали стопки парчовых подушек. Самовар наполняли свежей водой и растапливали углями, приносили подносы с фруктами и сладостями. По двору разливался сладковатый запах дыма и розовой воды из золоченых кальянов. Моих братьев отец порой приглашал присоединиться к собранию, девочкам же строго-настроено запрещалось попадаться гостям на глаза. Но до нас все равно долетали голоса мужчин, и мы, спрятавшись у приоткрытого окна на втором этаже, слушали,

о чем они говорят. В конце концов от политики они переходили к поэзии и принимались читать стихи, например рубаи Хайяма:

О, если б, захватив с собой стихов диван
Да в кувшине вина и сунув хлеб в карман,
Мне провести с тобой денек среди развалин, —
Мне позавидовать бы мог любой султан°.

В ответ звучали строчки Руми:

Стрела моей любви
попала в цель,
Я в доме милости,
душа моя —
вместилище молитвы.

Собрания длились часами, гости один за другим читали стихи персидских поэтов: Руми, Хайяма, Саади и Хафиза. Меня изумляло и восхищало, что отец мой, Полковник, от одного косого взгляда которого нас пробирала дрожь, такой искусный чтец. Грудной голос его идеально подходил для чтения поэзии, а восклицания «Прелестно!» и «Блестяще!» лишь подхлестывали увлечение, с которым он декламировал.

Я слушала, спрятавшись за окном, замороженная музыкой языка, который походил то на шепот влюбленного, то на жалобный шелест камыша. Слова впивались в меня крючками и не отпускали. Реки, океаны, пустыни, роза и соловей — все эти традиционные образы персидской поэзии я впервые услышала на таких вот ночных застольях в саду, и, хотя я была совсем ребенком, эти строки звали меня в иные края.

° Пер. О. Румера.

* * *

Никто не думает о цветах,
Никто не думает о рыбках.
Никто не желает верить, что гибнет сад.
Что под палящим солнцем
у сада сердце распухло,
что сад теряет бесшумно зеленую память.
Чувства сада
одиноким гниют в нем,
отгороженном от мира.

«Мне жалко сад»

— Сделайте так, чтобы стало свободнее, просторнее! —
взмахнув тростью с серебряным наконечником, прика-
зал Полковник осенним утром 1941 года.

Вот уже несколько месяцев по улицам Тегерана мар-
шировали голубоглазые солдаты. В небе тархтели само-
леты. По городу грохотали танки и грузовики. Вечерами
Полковник удалялся в свой кабинет со стаканом *арака*
и слушал по радио новости. Раз-другой я подслушивала
под дверь, но передачи были на английском и я ни слова
не поняла. Наберись я смелости спросить, что происходит
(чего я не сделала), он ответил бы, что меня это не касает-
ся — да и что я вообще смыслю в подобных вещах?

Я обо всем догадалась, когда повзрослела. Нас окку-
пировали. Союзники вторглись в Иран, чтобы уберечь
от врагов месторождения нефти. Реза-шах вынужден был
отречься от престола в пользу сына и уплыть сперва
на Маврикий, а потом в Южную Африку. Без малого
двадцать лет он железной рукой правил Ираном, теперь
же ему запретили возвращаться в страну. Месяц за ме-
сяцем гордый, но сломленный Реза-шах сидел в Йохан-
несбурге, обратив печальный взгляд туда, где за тысячи

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

километров от Южной Африки, за Персидским заливом, раскинулся Иран.

Полковнику, пылкому роялисту, новый шах, Мохаммед Реза Пехлеви, застенчивый, манерный, наверняка казался жалким подобием отца. Когда через несколько лет стало известно о смерти Резы-шаха, Полковник был убит горем. Однако же, несмотря на бесконечные мерзости и унижения, последовавшие за свержением Резы-шаха, Полковник упорно расхаживал по улицам Тегерана в военной форме, надвинув на глаза колах Пехлеви^{*}.

Мы же, дети, ни о чем не подозревали: нам казалось, что и при новом шахе ни взгляд, ни поступь Полковника не утратили прежней уверенности. Мы понятия не имели о том, что творится в Иране. Опасались мы одного: дурного настроения и гнева Полковника, а уж к ним-то мы давно привыкли.

А потом он уничтожил сад.

В наш дом в Амирие явилась бригада рабочих, чтобы осовременить сад на западный манер. Мы с сестрой наблюдали за ними сквозь затемненное оконце. Они выкорчевали деревья и кустарники — кипарисы, смоковницы, сосны, тисы, айву; они вырубали кусты, свалили кучей в кузове грузовика и увезли прочь. Там, где прежде были клумбы роз и горшки с геранью, они насыпали землю для газона. Они вырвали и уволокли старенький ручной насос, установили шланги, опрыскиватели и дождеватели. Прямоугольный *хоз* с его темно-синей плиткой они залили цементом, превратив эту часть сада в стоянку для машин. Вкопали там-сям искусственные акации и наконец ушли.

Впоследствии в Тегеране уничтожили тысячи садов, но лишь много лет спустя я узнала, что наш сад в Амирие, во всем своем пышном цветении, сгинул одним из первых. Старые персидские сады один за другим канули

---

^{*} Кепи, которое военные стали носить при Резе-шахе.

в небытие, однако стены между садами так и не снесли, и мы не видели, какие перемены творятся у соседей. И даже не догадывались, что нам суждено вновь и вновь терять то, что мы уже потеряли.

Полковник по-прежнему принимал в саду друзей и товарищей, только теперь они сидели не на подушках, а за столом и пили не арак, а виски и водку. Если он и скушал по старому саду, то ничем этого не обнаруживал.

Помню, рабочие давно ушли, а мама все стояла у края двора, пальцы ее терзали передник, лицо исказила скорбь. Больше она никогда не гуляла по саду утром и ранним вечером, а днем не просила слуг расстлать ковры для чаепития. Подруг она приглашала в дом. Хасан, наш слуга, выпустил золотых рыбок в лужицу, оставшуюся от бассейна. Когда рыбки уснули, мать не стала покупать новых, и вскоре *хоз* пересох совершенно, плитки пошли трещинами.

Нам, девочкам, хотелось отомстить. И в конце концов мы тайком сорвали злость на акациях. Улучив момент, мы отломали с них все дурацкие восковые листья и уродливые, ничем не пахнущие пластмассовые цветы, так что остались лишь голые стволы. Наш сад погиб, и я никогда не прощу отца за то, что он велел его уничтожить.

3

— Бог всюду, — прищурясь и бросив на меня пристальный взгляд, внушала мне мать, когда я была ребенком. — Он всюду и видит все, что ты делаешь.

Сама она не покрывала лицо, носила корсет и красила губы, однако ж вся ее жизнь была точно молитвенный коврик, расстеленный перед алтарем страха. Намаз она

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

